SAVANIH

КАРТИНА СМЕРТИ

ПОРТРЕТ ИЗ ПРОШЛОГО

АВТОР: SAVANIH

Savanih

Картина Смерти - Портрет из прошлого

«Автор»
2026

Savanih

Картина Смерти - Портрет из прошлого / Savanih — «Автор», 2026

Королевство Ашкард, город Ксар'Морн переживает тихое, но опасное время: вампиры давно вытеснены за границы цивилизованных земель, однако их болезнь - " Кровавая Чума " - продолжает расползаться по трактам и деревням. Официально эпидемия признана "управляемой". Неофициально - никто не знает, как её лечить.В столице Ксар'Морн обнаружен мертвец, изувеченный и изуродован жестокими экспериментами. На теле - следы эксперимента с кровавой чумой. Расследование поручают новичку в рыцарском ордене, но он пропадает и после за дело самостоятельно берется выдающиеся рыцарь Ордена Эбонитового Меча Кассандра Алвесса

© Savanih, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Тело без имени 5
Глава 2 Аттано 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Savanih
Картина Смерти - Портрет из прошлого

Глава 1 Тело без имени

Донесения пахли пылью и чужой тревогой.

Кассандра перебирала свитки не спеша — привычка, выработанная за годы службы: читать прежде, чем делать выводы, смотреть прежде, чем видеть. Три рапорта о стычках в восточном квартале, один — о краже из аптекарской лавки, неподписанное письмо с жалобой на городскую стражу, предположительно от кого-то из купеческой гильдии. Рутина. Утренняя рутина, пахнущая воском и старым пергаментом, пока за окнами штаба Ордена Ксар'Морн медленно, нехотя разворачивался навстречу дню.

Огонь в очаге догорел ещё до рассвета. Никто не удосужился подбросить дров.

Дыхание оседало лёгким паром, когда Кассандра поднимала голову от стола.

Гонец появился без предупреждения — как всегда появляются вестники неприятностей: внезапно, запыхавшись, с видом человека, который уже сожалеет о своей работе. Печать на свитке была городской стражи — красный воск с отпечатком башенного ключа, немного смазанный с левого края, словно прикладывали в спешке.

Кассандра взяла свиток, не вставая.

Портовый квартал. Тело. Стража отказывается приближаться.

Последняя строка была подчёркнута дважды — видимо, для убедительности. Подозрение на Кровавую Чуму.

— Кто нашёл? — спросила она, не отрывая взгляда от пергамента.

— Рыбак, госпожа. С рассветом вышел к причалу. — Гонец переступил с ноги на ногу. — Говорит, сначала принял за мешок с товаром.

Кассандра сложила свиток аккуратно, положила поверх кучи нераспечатанных рапортов.

— Рыбак в карантине?

— Стража его задержала. Но он клянётся, что не прикасался.

— Все клянутся.

Она встала.

Снаряжение — это ритуал. Не торжественный, не медленный, а точный: каждое движение на своём месте, каждая застёжка затянута до нужного натяжения, ни туже, ни слабее. Кольчужная рубаха поверх стёганки, наплечники, поясной ремень с ножнами — левый крюк чуть цепляет, уже который месяц, надо отдать в починку, всё никак. Перчатки из дублёной кожи, обработанной уксусом и горьким маслом туссового дерева — стандарт Ордена при выездах в потенциально заражённые районы.

Маска лежала в отдельном ящике стола, среди немногих предметов, к которым Кассандра относилась с подлинным уважением. Алхимическая конструкция — кожа, латунная оправа, внутри слоями: уголь, промытая глина, пропитанная ткань с серебристым отблеском. Фильтр менялся раз в неделю или после каждого контакта с заражёнными. Последний контакт был две недели назад, на допросе торговца с подозрительным товаром. Фильтр она сменила тогда же. Значит, запас есть.

Она надела маску, подтянула ремни. Мир сразу стал тише и немного уже.

Гонец смотрел с очевидным облегчением — его часть работы была закончена.

— Возвращайтесь к страже, — сказала Кассандра. — Скажите, что Орден выезжает. Пусть оцепление держат, но ближе чем на двадцать шагов к телу — никого.

— Слушаюсь, госпожа.

Он ушёл быстро. Люди всегда уходили быстро, когда получали разрешение уйти.

Кассандра накинула плащ с эмблемой Ордена — эбонитовый клинок на сером поле — и вышла на улицу.

Ксар'Морн не умел молчать, но умел шептать.

Утро только набирало силу: бледное, зимнее, с таким светом, который скорее обозначает присутствие, нежели освещает. Булыжная мостовая блестела от ночного дождя, лотки торговцев стояли закрытыми, хотя час был уже торговый. Первое, что заметила Кассандра, — это ставни. Закрытые там, где обычно в это время их распахивали навстречу свежему воздуху. Второе — люди. Они были, но двигались иначе: быстрее, жались к стенам, не смотрели друг другу в лицо.

Слухи всегда бегут быстрее гонцов. Это один из немногих законов, которые Кассандра принимала как аксиому.

Двое мужчин у угла мясной лавки говорили вполголоса — она не разобрала слов, только отдельные обрывки по мере приближения: «...в порту...», «...говорят, обглодан весь...», «...третий за месяц...». Третий — это было неверно, Кассандра не знала ни о каком третьем, но поправлять уличные слухи — занятие для людей с большим запасом времени и терпения. Она прошла мимо.

Женщина в дверях пекарни втянула ребёнка внутрь, едва заметив рыцарский плащ. Плащ Ордена означал опасность — не защиту, не официальный визит, а опасность, потому что Орден появлялся, когда что-то уже случилось. Кассандра не могла с этим спорить.

Портовый квартал открылся запахом рыбы, смолы и стоячей воды. Здесь улицы были уже и грязнее, дома теснились друг к другу, словно пытаясь согреться. Оцепление стражи угадывалось по красным плащам — трое стояли поперёк переулка, двое у причального спуска. Все держались именно там, где она и просила: в отдалении.

Один из стражников поднял руку в приветствии — неловко, будто не был уверен, уместно ли это.

Кассандра остановилась перед оцеплением.

За спинами стражников переулок упирался в причал. Там, у самой воды, между двумя просмолёнными сваями, лежало что-то, чему пока не давали имени.

Она смотрела на это несколько секунд — издалека, прежде чем подойти ближе. Привычка читать прежде, чем делать выводы.

Мешок с товаром, подумал рыбак.

Кассандра понимала почему.

— Кто-нибудь уже трогал? — спросила она у ближайшего стражника.

— Нет, госпожа. Нам... сказали не приближаться. Ещё до вашего приказа.

— Сами решили?

— Старший решил. — Пауза. — Он говорит, что видел Кровавую Чуму в деревне, лет десять назад. Говорит, запах похожий.

Кассандра повернула голову к причалу. Ветер шёл с воды — холодный, солёный, и в нём действительно было что-то металлическое. Железистое. Не совсем то, что она привыкла связывать с Чумой, но достаточно похожее, чтобы напугать человека, который уже видел её однажды.

Она проверила ремни маски последний раз.

— Оставайтесь на месте.

И шагнула вперёд.

* * *

Рогожа пахнет смолой и чем-то кисло-гнилым, что не перебить никаким зимним ветром.

Кассандра стоит над телом и ждёт, пока взгляд привыкнет — не к темноте переулка, здесь достаточно светло от факела в руках ближайшего стражника, — а к тому, что лежит перед ней.

Привычка, выработанная за годы: сначала смотришь общим взглядом, потом уже по частям. Иначе детали заслоняют целое.

Целое выглядит так: тело взрослого человека, лежащее на спине. Рост средний. Телосложение — некогда крепкое, теперь истощённое. Конечности на месте, ничего не отнято, ничего лишнего. Рогожа накрывала с головой.

Она приседает и берётся за край ткани.

Один из стражников, тот что помоложе, делает движение — не шаг, просто намерение шага, немедленно подавленное — и произносит что-то невнятное. Возможно, предупреждение. Возможно, молитву.

— Свет сюда, — говорит Кассандра.

Факел приближается. Рогожа отходит.

Она смотрит.

Потом смотрит ещё, потому что первый взгляд не даёт ничего связного — только хаос цвета и текстуры там, где должно быть лицо. Кожа разошлась и сошлась заново, но неправильно; плоть под ней вспухла неравномерными буграми, кое-где лопнула. Пятна — тёмно-лиловые по краям, почти чёрные в центре — идут от шеи вниз, под ворот рубашки. Кассандра видела Кровавую Чуму в разных стадиях. Видела тела, пролежавшие в карантинных ямах по две недели. То, что перед ней, похоже и не похоже одновременно.

Похоже — потому что пятна те же, и запах тот же: медный, тяжёлый, с примесью чего-то химического, что остаётся в ноздрях надолго.

Не похоже — потому что чума так не работает.

Кассандра достаёт из внутреннего кармана тонкие кожаные перчатки — те, что для работы, не для церемоний — и надевает, не торопясь. Потом раскрывает рубашку на груди жертвы.

Стражник отступает на полшага. Она не оборачивается.

Пятна продолжаются по торсу, но здесь уже видно другое: под кожей, под воспалённой, истончившейся кожей — следы. Маленькие. Точечные. Симметричные. Два ряда вдоль рёберной дуги, примерно на равном расстоянии друг от друга. Ещё несколько — по внутренней стороне локтевых сгибов, там, где вена ближе всего к поверхности. Надрезы или проколы — она пока не может сказать наверняка, но характер тканевого ответа отличается от обычных укусов: нет разрывов, нет следов от зубов, нет хаотичного давления спешащей твари.

Это было сделано медленно. Методично. Человеком, который знал, что делает.

Кассандра не произносит этого вслух.

Она опускает взгляд ниже, к запястьям. Левое. Правое. На правом — след, бледный уже, почти растворившийся в общей картине повреждений: полоса от чего-то плотного, охватывавшего запястье. Кожаный ремень, возможно. Манжета с пряжкой. Что-то, державшее руку на месте достаточно долго, чтобы оставить вмятину, уже не успевшую исчезнуть до смерти. Она запоминает это и не говорит ничего.

Одежда.

Кассандра переводит взгляд. Рубашка грубого льна, штаны без особых примет, сапоги стоптанные — всё выглядит как одежда работника или мелкого торговца, человека без положения. Но ткань рубашки между пальцами ощущается иначе: плотная, хорошо выделанная, без катышков и зацепок. Такую не покупают на рынке у третьего прилавка слева. Такую шьют на заказ или берегут.

Либо кто-то одел тело в чужое.

Либо с тела сняли своё.

Она осматривает воротник — без вышивки, без знаков различия, без каких-либо меток, по которым обычно можно определить принадлежность к цеху, ордену или двору. Даже нитки,

которыми обычно пришивают такие знаки, срезаны аккуратно. Не оторваны — срезаны ножницами или небольшим ножом, по самой ткани.

Кто-то потратил на это время.

Кассандра встаёт. Колени немного ноют — переулок мощёный, камень холодный даже сквозь кожу поножей. Она стягивает перчатки и смотрит на стражника с факелом — молодого, бледного, старательно удерживающего взгляд где-то над её плечом.

— Накройте обратно, — говорит она. — И никто не трогает место до прихода алхимика. Ни стража двора, ни инквизиция, ни любопытные горожане. Понятно?

— Понятно, госпожа рыцарь.

— Если кто-то явится с требованием доступа — имя, должность, время. Запишете.

Он кивает. Она не спрашивает, умеет ли он писать: это его забота.

Рогожа ложится обратно на тело. Запах никуда не девается.

Кассандра отходит на несколько шагов — туда, где переулок выходит на улицу и где воздух хоть немного другой — и останавливается. Смотрит на стену напротив, где чья-то небрежная рука когда-то нацарапала знак Церкви. Знак давно облупился, потерял форму. Стена не заметила.

Методичность ранений. След от ремня. Одежда не его.

Три вещи, которые она пока не собирается никому озвучивать.

* * *

Торговец топчется на месте — снова, в третий раз, — будто земля под ним недостаточно твёрдая.

— Я шёл мимо. Учуял запах и остановился. Больше ничего.

Запах. Я смотрю на его сапоги.

Осень уже вычернила брусчатку влагой, но там, где лежала рогожа — ближайшие три локтя — грязь особенная. Рыжеватая, с примесью чего-то, что стекло из-под тела за несколько часов. Подошвы у торговца именно такого цвета. Правая — глубже пропитана, чем левая.

— Вы стояли вплотную к телу, — говорю я. Не вопрос. Констатация.

— Нет. Я... — он обрывает себя, теребит кант куртки. — Может, шагнул. Посмотреть, не человек ли живой лежит.

— Понятно. — Я записываю. — Во сколько это было?

— На рассвете. Светало уже. Я всегда в это время иду — рыбный рынок у Восточных ворот открывается рано, мне нужно место занять.

Я отпускаю его с наставлением явиться в Орден, если вспомнит что-либо ещё. Он уходит быстрее, чем следовало бы человеку, у которого нет причин торопиться.

Соседка ждёт чуть в стороне, укутанная в шерстяной платок поверх ночной рубашки — её подняли с постели, и она до сих пор не простила этого никому из присутствующих, судя по выражению лица.

— Ночью было, — говорит она прежде, чем я успеваю спросить. — Глубокой ночью. Я не сплю хорошо — суставы, — поэтому слышу всё.

— Что именно вы слышали?

— Телегу. Тяжёлую, медленную. — Она поджимает губы. — Не торговый обоз: те гремят, спешат. Эта — будто везла камни. Скрип колёс такой... основательный.

— Вы выглядывали в окно?

— В такое время? — Она смотрит на меня как на неразумного ребёнка. — Конечно нет. Кровавая Чума ходит ночами. Это все знают.

Кровавая Чума не ходит ночами. Вирус не разбирает времени суток. Но я не уточняю.

— Направление определили?

— Со стороны Каменного квартала. Потом всё затихло. — Пауза. — Я ещё подумала: кто везёт такое в такой час? Но потом решила, что не моё дело.

Я записываю: глубокая ночь. Тяжёлая телега. Со стороны Каменного квартала.

Торговец сказал «рассвет».

Разрыв в несколько часов, если обе стороны говорят правду.

Мальчишка-посыльный нашёлся у конюшни на углу — он забился между поилкой и стеной, грея руки под мышками и с видом человека, которого вот-вот заставят что-то неприятное. Лет двенадцати, не больше. Цепкие глаза.

— Ты видел кого-то в переулке? — спрашиваю я, присев, чтобы быть с ним вровень. Опыт подсказывает: дети врут меньше, когда не задираешь подбородок.

— Видел. — Он шмыгает носом. — Человека в плаще. Тёмный плащ, длинный. Он выходил оттуда.

— Откуда именно?

— Из переулка. — Пауза, пока он вспоминает. — Нет, чуть дальше. Из-за угла там, где стена со мхом.

Я мысленно уточняю: угол переулка, западная сторона. Дальний конец — не тот, где лежало тело.

— Во сколько это было?

— До рассвета. Ещё темно было, но не совсем. — Он морщится, формулируя. — Когда петухи кричат второй раз, примерно так.

— Как он шёл?

Мальчишка задумывается. Это хороший признак — когда свидетель задумывается, а не отвечает немедленно.

— Странно, — наконец говорит он. — Ровно. Будто не спешил совсем. Другие в такое время — либо торопятся, либо пьяные шатаются. А этот просто шёл. Спокойно.

— Лицо видел?

— Нет. Плащ с капюшоном.

— Рост? Телосложение?

— Высокий. Не толстый. — Мальчишка пожимает плечами. — Больше ничего не помню.

Я выпрямляюсь.

Три свидетеля. Три отрезка времени, которые не сходятся. Соседка слышала телегу глубокой ночью. Мальчишка видел человека до рассвета. Торговец нашёл тело на рассвете. Если все трое не лгут — между доставкой тела и его обнаружением прошло не менее двух-трёх часов. Тело лежало там, пока город спал.

Я смотрю на угол, где мох покрывает старый камень. Влажный, тёмный. Следов нет — брусчатка не держит отпечатков.

Ни один из троих не видел лица жертвы. Никто не знает, как тело оказалось здесь. Ровная походка человека в тёмном плаще — это единственное, что у меня есть, и это почти ничего.

Почти.

Человек, который не спешит на пустых улицах в предрассветный час, либо не боится их, либо знает, что бояться нечего. Первое говорит о привычке. Второе — о чём-то другом.

Я закрываю блокнот.

* * *

Штаб Ордена в этот час был почти пуст.

Двое рыцарей на выходе кивнули мне, но спрашивать ничего не стали — лица у обоих были такими, какими они всегда бывают после дня, когда в городе обнаруживают изуродованный труп: закрытыми, немного уставшими, слегка виноватыми. Я прошла мимо них в коридор, где горели три факела из шести, и подумала, что кто-то снова забыл сменить смену дозорных.

Дежурный — молодой Серре, круглолицый, с вечным пятном чернил на левом запястье — поднялся из-за стола, едва услышал шаги.

— Рыцарь Алвесса. — Он на секунду замялся, и это короткое молчание сказало мне больше, чем он собирался сказать.

— Говори, — сказала я, не останавливаясь.

— Рыцарь Тор'на. — Серре произнёс имя так, как произносят что-то хрупкое. — Он не вернулся с задания. Три дня.

Я остановилась.

— Три дня, — повторила я.

— Мы решили... — Серре сглотнул. — Командир Хаар решил, что он мог задержаться. Портовый квартал, сами знаете. Там время идёт иначе, люди не очень охотно говорят, иногда приходится ждать. Тор'на — он... он усердный. Мы думали, что он просто работает.

— Что за задание.

— Проверить слухи о заражённых. В нижней части порта, у складов. Кто-то из лавочников написал жалобу — мол, видел человека с признаками Кровавой Чумы, тот прятался под молом.

Я положила руки на стол перед ним. Не давления ради — просто мне нужна была точка опоры.

— Тор'на взял это дело один?

— Дело казалось незначительным. — В голосе Серре появилась нотка, которая мне не понравилась: оправдывающаяся. — Рыцарь-новичок, хотел проявить себя, командир посчитал, что это хороший случай.

— Он хотел проявить себя, — медленно сказала я.

Серре больше не добавил ничего.

Я отошла от стола к узкому окну, выходящему во внутренний двор. Там в лужах отражались факелы — оранжевые пятна на чёрной воде. Три дня. Портовый квартал. Тело, найденное сегодня утром в переулке у причалов, с лицом, которого больше нет.

Совпадение было таким грубым, что хотелось его отвергнуть. Такие совпадения не случаются — случаются только в дешёвых историях, где автор торопится. Здесь всё торопилось само.

— Опиши его, — сказала я. — Рыцаря Тор'на.

Серре снова замялся — на этот раз по-другому: не из страха, а потому что не был уверен, зачем я спрашиваю.

— Высокий. Худощавый, но не болезненно — крепкий. Тёмные волосы, стриженые коротко. Лет двадцать, может, чуть меньше. — Он помолчал. — Нос сломан был, ещё до Ордена. Всегда немного криво.

Я смотрела в окно и накладывала это описание на то, что видела под рогожей. Высокий — возможно, хотя под рогожей тело выглядело странно, как будто его что-то сжало. Худощавый — сложно сказать, когда плоть сделала то, что она сделала. Тёмные волосы.

Нос.

Нос я не видела. Лица у тела не было.

Вот здесь и заканчивалась моя уверенность.

Я не могла сказать, что это не Тор'на. Тело было изуродовано с такой методичностью, что любые ориентиры — шрамы, черты, особые приметы — стали вопросом предположений. Если это был он, я бы не узнала. Если это был кто-то другой, я бы тоже не узнала.

— Серре, — сказала я, не оборачиваясь. — Когда командир Хаар в последний раз лично справлялся о Тор'на?

Долгая пауза.

— Вчера утром.

— И что он сделал?

— Отметил в журнале, что рыцарь задерживается по делу.

Я повернулась.

— Тело, которое нашли сегодня в портовом квартале, — произнесла я ровно, — я осматривала его сама. Оно трёхдневной давности. Примерно.

Серре побледнел.

— Вы думаете...

— Я ничего не думаю, — перебила я. — Я сопоставляю факты. Три дня назад рыцарь-новичок ушёл в портовый квартал проверять сообщения о заражённом. Три дня назад — примерно — в том же квартале появился труп. Это не вывод. Это совпадение, которое требует проверки.

Но внутри, под этой формулировкой, уже сидело что-то тяжёлое. Не уверенность. Хуже: ощущение, что уверенность придёт — и что она будет нехорошей.

Портовый квартал. Заражённые. Рыцарь, который хотел проявить себя.

Если жертва случайна — это городское дело. Страшное, запутанное, но городское.

Если жертва — наш рыцарь, который пришёл туда по заданию Ордена, — это уже другой разговор. Это значит, что кто-то работал в том квартале, зная или не зная, что к нему идут. Это значит, что тело нашли только сегодня — через три дня. Это значит, что кто-то либо прятал его, либо не торопился.

И это значит, что то, что я видела под рогожей, — не просто следствие болезни или чьего-то безумия. Там была работа. Методичная, неспешная работа над чужим телом.

— Запроси у командира все материалы по заданию Тор'на, — сказала я Серре. — Жалобу лавочника, маршрут, если был. Всё, что есть. — Я направилась к выходу, потом остановилась. — И достань описание его снаряжения. Что на нём было из одежды. Есть у меня одна мысль.

Серре кивнул — коротко, без лишних слов, и это я в нём всегда ценила.

Я вышла в коридор.

На улице был холодный воздух с запахом воды и рыбы — портовый ветер доходил до штаба Ордена даже здесь, в верхней части города. Я остановилась на ступенях и позволила себе секунду.

Одну секунду.

Рыцарь-новичок, который хотел проявить себя, ушёл проверить незначительные слухи и не вернулся. Три дня никто не бил тревогу. Три дня тело лежало в портовом квартале.

Если он действительно наш — я принесу это Графу сегодня же.

* * *

Малый зал был именно таким, каким он должен был быть: без тапестри, без лишней мебели, без придворных у дверей. Камин горел — не для тепла, а чтобы было куда смотреть. Граф Корвин Алоир стоял у него спиной к входу, когда я вошла, и не обернулся сразу. Дал мне время закрыть дверь.

Я закрыла.

— Кассандра. — Он произнёс моё имя без вопроса, констатацией. Повернулся. На лице не читалось ничего, кроме обычной усталости пожилого человека, которому слишком долго докладывают плохие новости. — Садись.

Я не села. Встала у стола — между ним и дверью, не нарочно, но он, должно быть, заметил.

— Город говорит, — начал он, подходя к столу с той стороны. — Слухи распространяются быстрее, чем любая болезнь. Ты это знаешь лучше меня.

— Знаю.

— Тело нашли в торговом квартале. — Он сел, сложил руки перед собой. — Заражённый бродяга. Забрёл в город, умер от Чумы. Несчастный случай. Это то, что люди услышат завтра утром.

Он замолчал. Ждал.

Я не стала спорить с формулировкой. Не потому что согласилась — а потому что он ещё не закончил, хотя сделал вид, что закончил. Это был не доклад. Это было предложение.

— Я была на месте, — сказала я. — Позвольте изложить то, что видела.

Он чуть кивнул. Один наклон головы. Разрешение.

— Ранения нетипичны для вампирского нападения. Следы систематические — не хаотичные. То, что было сделано с телом, требовало времени, инструментов и намерения. — Я говорила ровно, без нажима, как зачитывала опись. — Одежда под верхним слоем — качественная ткань, не бродяжья. Такую не достать на торговом квартале случайно. И третье: из Ордена пропал новичок. Взял дело самостоятельно. Не вернулся.

Я остановилась. Дала паузе повиснуть.

— Три точки. Они не складываются в несчастный случай.

Граф смотрел на огонь — не на меня. Профиль у него был замкнутый, как захлопнутая книга. Я ждала и считала про себя: один удар сердца, второй, третий, четвёртый. На пятом он мог бы сказать «да» или «нет» — этого времени достаточно для любого из ответов. Но он молчал дальше. Шесть. Семь.

Это была не пауза человека, который думает. Это была пауза человека, который уже решил — и решает, сколько из этого сказать.

— Тихо, — произнёс он наконец. Слово упало без интонации, как монета на камень. — Без огласки. Никаких обвинений раньше, чем у тебя будут доказательства. Двор не должен узнать раньше меня.

— Понимаю.

— И Кассандра. — Он посмотрел на меня, впервые за весь разговор — прямо, без уклонения. Глаза у него были цвета застоявшейся воды. — Если это то, чем кажется — будь осторожна.

Я не спросила, чем именно это кажется ему.

Он не сказал.

Дверь за мной закрылась без звука — петли в малом зале смазывали регулярно, я это знала, потому что знала многое о том, как устроен этот дворец. Коридор был холоднее зала, факелы давали жёлтый расплывчатый свет, и мой собственный шаг звучал чуть громче, чем должен.

Я шла и думала о его паузе.

Не о словах — слова были правильными и пустыми одновременно, инструментом политика, умеющего давать разрешение так, чтобы при необходимости отречься от него. Я это знала, он знал, что я знаю. Мы оба выполнили свою часть ритуала.

Но пауза.

Пять ударов сердца сверх необходимого — это не колебание. Это молчание, принятое как решение. Он что-то знал или подозревал — что-то, что не изменило бы ни одного из его слов, но изменило бы их вес. Какой именно вес — этого я не могла сказать. Ещё не могла.

Коридор вывел меня к лестнице. Внизу, за стеной, был город с его слухами и страхом и торговыми кварталами, где кто-то оставил тело, методично превращённое в ребус.

У меня было разрешение. У меня было дело. У меня был пропавший новичок, который, может быть, ещё был жив — или, может быть, уже лежал там, под тем самым верхним слоем чужой бродяжьей одежды, уничтоженный до неузнаваемости.

Я начала спускаться.

Глава 2 Аттано

Граф произнёс имя без предисловий.

— Аттано Аррент'ино. Придворный алхимик. Отныне — консультант расследования.

Вот и всё. Никакого «по вашему запросу», никакого «с учётом сложности дела». Решение было принято прежде, чем я вошла в этот кабинет, — может быть, прежде, чем я вообще направилась к Графу с докладом об изуродованном теле из портового квартала. Корвин Алоир смотрел в окно. Его профиль на фоне серого утреннего неба был привычно закрыт: никакой тревоги, никакого объяснения.

Я не спросила. Есть вопросы, которые задают только тогда, когда готовы услышать ответ.

Дверь открылась.

Я ожидала увидеть... я сама не знала, чего ожидала. Человека с пятнами реагентов на манжетах, может быть. Рассеянного учёного с привычкой говорить в сторону. Придворные алхимики в Ксар'Морне, как правило, были либо тщеславны, либо погружены в себя до степени, неотличимой от тщеславия.

Аттано Аррент'ино не был ни тем, ни другим.

Он вошёл так, как входят в хорошо знакомое помещение: без заминки на пороге, без беглого взгляда по углам. Высокий, сухощавый, в тёмном приталенном одеянии без единой лишней детали. Маска закрывала всё лицо — плотная, из тонко выделанной кожи, с двумя узкими латунными вставками по бокам и широкими линзами. Подобные маски носят в кварталах, где плохо с вентиляцией и где Кровавая Чума бродит слишком близко к жилью. Здесь, в рабочем кабинете Графа, она выглядела как утверждение.

Перчатки я заметила сразу — не потому, что это было странно само по себе, а потому что через тонкую кожу проступало что-то неправильное в форме пальцев. Слишком удлинённые суставы. Слишком острые окончания там, где должны были быть ногти.

Граф повернулся от окна.

— Аттано.

— Ваша светлость. — Голос Аттано был ровный, без подобострастия и без вызова. Просто ровный.

Они смотрели друг на друга секунду или две. Что-то в этом обмене было старше сегодняшнего утра. Я поняла это по тому, как Граф отвёл взгляд первым.

— Кассандра Алвесса. Вы друг с другом незнакомы.

— Нет, — сказала я.

— Рад исправить это упущение, — произнёс Аттано и посмотрел на меня.

Его глаза были едва различимы под линзами, бесцветные в сером утреннем свете, падавшем из высокого окна. Смотрел он так, как смотрят на предмет, требующий оценки: без интереса к тому, что я думаю об этом взгляде.

— Взаимно, — ответила я.

Граф взял со стола перчатки — собственные, нормальные, из свиной кожи — и надел их. Движение было финальным.

— Я предоставляю вам полномочия, необходимые для следствия, — сказал он. — Не привлекайте лишнего внимания. — Пауза. — Ни к чему.

Он вышел. Дверь затворилась с тихим щелчком, каким затворяются двери в домах, где всё хорошо подогнано и давно обжито.

Мы остались вдвоём.

Аттано не занял никакой позиции в пространстве — не встал у стола, не отошёл к окну. Просто стоял там, где стоял, с той же ровностью, с которой говорил. Я решила воспользоваться тишиной, потому что тишина — тоже инструмент наблюдения.

Он не заполнял её. Не спрашивал, с чего начнём. Не интересовался, что именно я уже успела установить. Любой, кого вводят в расследование свежим взглядом, задаёт хотя бы один вопрос в первую минуту. Из профессиональной вежливости, если не из любопытства.

Аттано молчал.

— Тело находится в портовом квартале, — сказала я наконец. — В распоряжении городского лекаря. Нам нужно туда.

— Хорошо.

Просто «хорошо». Без «расскажите подробнее», без «что уже известно о характере ранений». Я внимательно следила за его лицом, за той частью, что была видна над маской. Никакой реакции на слово «тело». Никакого лёгкого напряжения в уголках глаз, которое бывает у человека, впервые входящего в незнакомое дело.

Он взял со спинки кресла — кресла, у которого я его не видела, — тонкий чёрный саквояж. Движение было автоматическим. Привычным.

Я дала ему выйти первым и смотрела, как он идёт по коридору. Шаг был размеренным и тихим. Слишком тихим для каменного пола.

Два объяснения. Либо Граф дал ему полный доклад до нашей встречи, и в таком случае мне следует понять, насколько подробным был этот доклад и что именно сочли нужным сообщить. Либо Аттано знает о теле из источника, не связанного с Графом. Второй вариант был хуже первого.

Оба варианта мне не нравились.

Я пошла следом, придерживая ножны, чтобы не звенели.

* * *

Морозный воздух в хранилище мало чем отличался от воздуха снаружи — только запах был другим. Холод снаружи пах снегом и конским навозом, холод здесь пах реагентами и тем, чем пахнет человеческое тело, когда с ним покончено.

Аттано вошёл без предисловий.

Я ожидала хотя бы паузы на пороге, большинство людей делают паузу, даже если им незачем. Он не сделал. Скользнул взглядом по помещению — по трём факелам в кольцах, по столу с инструментами, по мне — и направился к столу, где лежало тело. Движения точные. Ни одного лишнего.

Плащ он снял у входа. Под ним оказались перчатки из тонкой тёмной кожи, уже надетые ещё до того, как он переступил порог.

Это я отметила первым.

Вторым — он начал не с лица. Не с рук. Не стал обходить стол по кругу, как делают городские лекари, выигрывая время для благочестивой мины. Он встал сбоку, откинул край накидки точно до рёберной дуги и наклонился над надрезами.

Прямо к ним. Без подготовки.

— Систематические, — произнёс он наконец. Голос ровный, как у человека, записывающего показания. — Интервал примерно одинаковый. Угол введения инструмента — от восьми до десяти градусов к поверхности кожи. Не рваные.

— Я видела, — сказала я.

— Да. — Он не повернулся. — Я уточняю для себя.

Он водил пальцем над кожей, не касаясь — в полутора пальцах от поверхности. Как будто читал что-то, написанное невидимыми чернилами.

— Это не вампирское нападение, — сказал он. — Вы уже знаете это.

— Знаю.

— Тогда вы также знаете, что это инструментальная работа. — Короткая пауза. — Но не хирургическая. Хирург знает анатомию и бережёт ткань. Здесь не берегли — здесь вводили. Повторно. В одни и те же точки.

Введение. Это слово он выбрал без малейшего колебания.

Я промолчала. Дала ему говорить.

Аттано переместился к запястью. Я уже смотрела туда с тех пор, как увидела след от ремня — широкий, с вдавленными краями, как бывает, когда не вырываются, а тянут. Он нашёл ремень за полминуты, не дольше. Осмотрел, кивнул чему-то своему.

Потом согнул руку трупа в локте.

Я не ожидала этого движения. Оно было слишком привычным — так сгибают руку, когда берут кровь, или когда готовятся ввести иглу. Жест человека, который делал это много раз.

— Вот, — сказал он.

Я подошла ближе. На внутренней стороне локтевого сгиба, там, где кожа тоньше всего, под краем тёмно-лилового пятна Чумы — крохотная точка. Почти невидимая. Не след когтя, не надрез. Прокол от иглы, тонкой и длинной.

Я смотрела на тело три часа этой ночью. Я не увидела этого.

— Прокол, — сказала я, не позволив себе других слов.

— Один. — Он снова не повернулся. — Возможно, больше — пятна перекрывают. Но этот вошёл глубоко. В вену. — Небольшая пауза. — Что-то вводили прямо в кровь.

— Откуда такие знания о методах? — спросила я. — О способах заражения.

Он наконец выпрямился и посмотрел на меня, без торопливости, без того выражения, которое появляется у людей, когда им задают неудобный вопрос. Просто посмотрел, как смотрят на страницу с уже прочитанным текстом.

— Двор поручал мне изучить Кровавую Чуму. Её распространение, её механику. — Коротко. — Это часть моей работы.

Технически верно. Я не сомневалась, что так и есть. Я сомневалась в другом — в том, что двор мог дать ему такую точность. Точность приходит от практики, а не от документов.

Но я кивнула и промолчала.

Он вернулся к телу. Некоторое время стоял неподвижно, смотрел целиком, уже не на отдельные детали. Я смотрела на него. Это, пожалуй, давало мне больше информации.

— Версия, — сказал он наконец. — Не убийство по злобе или страху. Эксперимент. Кто-то изучал управляемое заражение Кровавой Чумой — насколько возможно контролировать ход болезни при введении непосредственно в кровь, в обход естественных путей. — Пауза. — Жертва была нужна живой. Как можно дольше.

Версия складывалась. Я и сама двигалась в этом направлении, но там, где мне нужно было ещё несколько часов, он добрался за двадцать минут.

— Для этого нужно место, — сказала я. — Оборудование. Реагенты.

— Да.

— И опыт.

— Очевидно, — ответил он.

Он снял перчатку с правой руки, аккуратно, за кончики пальцев, и сложил её поверх левой. Взял факел со стены и поднёс ближе к лицу трупа. Смотрел несколько секунд.

Ничего не изменилось в его лице. Ни брезгливости, ни усилия её скрыть. Ни тени того, что люди обычно чувствуют, впервые увидев такое.

Именно это я зафиксировала последним и положила туда, где храню то, что пока не знаю как назвать.

Не отвращение к увиденному. Не любопытство.

Отсутствие и того и другого — как будто он смотрел на задачу, которую уже решил однажды.

* * *

Каменный квартал остался позади вместе с запахом смоляных факелов и чем-то ещё, чего я не хотела называть. Улица, которой мы возвращались, была узкой и скользкой от утреннего инея. Аттано шёл на полшага сзади, и мне приходилось оборачиваться, чтобы видеть его лицо.

Я не хотела показывать, что оборачиваюсь.

— Кто в Ксар'Морне способен на это? — Я сформулировала вопрос, пока мы сворачивали мимо заколоченного постоялого двора. — Не теоретически. Практически. Кто умеет работать с живым вирусом на таком уровне?

Аттано не ответил сразу. Пауза была недолгой, ровно такой длины, чтобы казаться обдуманной, а не уклончивой.

— Несколько человек. — Голос у него был тихий, без интонаций. — Магистр Горрен из Алхимического цеха. Возможно, его старый ученик — Трессис, если тот не уехал из города. — Пауза снова, другого характера, не для размышления, а как предисловие. — Церковь.

Я шла и слушала, как эхо наших шагов отбивается от заколоченных ставен, дробится и гаснет где-то за поворотом.

— Церковь занимается прикладной алхимией вирусов?

— Инквизиция занималась всем, что давало власть над заражёнными. — Он поравнялся со мной на более широком участке улицы. — Это не домыслы. Исторически факт. Когда Кровавая Чума только перешагнула границы, Церковь первой начала систематические опыты над поступавшими к ней телами. Иногда тела ещё не успевали остыть. Иногда не успевали умереть.

Он произнёс последнее предложение так, будто зачитывал хозяйственный реестр.

— Откуда такая конкретика? — Я не пыталась смягчить вопрос.

— Из документов, которые Инквизиция не озаботилась уничтожить в достаточной мере. Кое-что оседает в архивах. Церковный архив в Ксар'Морне содержит, насколько мне известно, записи о методах работы с заражёнными тканями. Методы, судя по тому, что я слышал от людей, видевших эти записи, весьма близки к тому, что мы наблюдали сегодня.

Я остановилась.

Он остановился тоже — на мгновение позже, чем это выглядело бы естественным.

— Вы сами видели эти архивы? — спросила я.

— Нет. — Быстро. Слишком ровно. — Доступ закрыт. Церковь не пускает никого без особого предписания Совета, а такие предписания выдаются раз в год и не нам.

Я запомнила этот ответ. Не содержание — тон. Человек, который говорит «нет» о том, чего никогда не видел, обычно добавляет что-нибудь вроде «к сожалению» или «насколько я понимаю». Аттано Аррент'ино сказал просто «нет», без обрамления, как закрывают дверь на засов.

Мы пошли дальше.

Инея на брусчатке становилось меньше: ближе к центральным кварталам город просыпался, и подошвы уже выходивших торговцев месили его в серую кашу. Аттано шёл молча. Я не спешила заполнять тишину, вслушиваясь в скрип открывающихся ставен и далёкий стук колёс по мостовой.

Он заговорил первым.

— Стоит проверить, не было ли у Церкви интереса в том, чтобы убрать кого-то из Ордена. — Без предисловия, как продолжение внутреннего рассуждения, которое он просто решил произнести вслух. — Новичок, пропавший в портовом квартале. Если он что-то видел или узнал, или если кто-то счёл, что он мог узнать, это достаточный мотив.

Логика была безупречной. Именно это меня насторожило.

Не потому что я нашла в ней изъян, я не нашла. Но логика, которая разворачивается перед тобой слишком плавно, как дорога, расчищенная заранее, требует вопроса: кто её расчищал и зачем.

— Это преждевременно, — сказала я.

— Да. — Он не стал спорить. — Но направление проверить не помешает.

Я кивнула, не в знак согласия, в знак того, что услышала. Разница была существенной, и, судя по тому, как он не отреагировал, он её понял.

До здания, где квартировал Орден, оставалось два квартала. Я шла и думала об архиве, о котором он знал достаточно, чтобы говорить уверенно, но якобы не видел. О паузах — первой, обдуманной, и второй, слишком короткой. О том, как он назвал имена алхимиков так, будто перебирал карты в колоде, которую знал наизусть, и поставил Церковь последней не потому, что она пришла ему в голову позже, а потому, что именно так запоминается: последнее слово в списке оседает тяжелее прочих.

Придворный алхимик Аттано Аррент'ино был умён. Компетентен в степени, которая в другом контексте вызвала бы уважение. И совершенно непрозрачен — не как человек, скрывающий что-то конкретное, а как человек, давно привыкший к тому, что его не прочитают.

Работать с ним я буду.

Доверять ему — нет.

* * *

Штаб Ордена встретил меня тишиной.

Не той тишиной, что бывает в пустых коридорах, звонкой, равномерной, почти дружелюбной. Нет. Здесь была тишина дерева, впитавшего чужой дым: плотная, с запахом масла для клинков и старой кожи, с ощущением, что стены помнят больше, чем хотят рассказывать.

Я прошла мимо дежурного, не остановившись. Поднялась по лестнице, открыла дверь своей рабочей комнаты.

Фонарь на столе ещё не остыл — кто-то из дежурных заходил недавно. Я поставила перчатки на край стола и не сразу села. Просто стояла у окна, глядя на то, как узкая полоса улицы поглощает редких прохожих: сгорбленные фигуры, закутанные выше бровей, Ксар'Морн всё так же боялся воздуха.

Потом всё-таки опустилась на стул и открыла рабочий журнал.

Перо не двигалось.

Я положила его на край чернильницы и закрыла глаза. Не для того, чтобы отдохнуть. Для того, чтобы увидеть снова.

Игла. Не клинок, не коготь — игла. Точечный след на локтевом сгибе жертвы, почти скрытый под тёмно-лиловой кромкой пятна. Я бы решила, что это след обычного кровотечения, если бы не симметрия. Оба сгиба. Аккуратно, с одинаковым расстоянием от ямки вены. Так не делают в спешке. Так делают люди, которые знают, зачем делают.

И ремень.

Один след, на правом запястье. Почему только правое? Я открыла глаза и взяла перо.

Правое запястье. Рёберная дуга. Локтевые сгибы. Методично. Одновременно? Или поочерёдно?

Я записала это не как вывод, а как вопрос — на левой стороне страницы, где обычно оставляла место под сомнения.

Ответа из архива Ордена всё ещё не было. Я запросила описание снаряжения Тор'на ещё утром; человек, которого я отправила, должен был вернуться до вечерней смены. Не вернулся. Либо Командир Хаар решил, что запрос несрочный. Либо кто-то посчитал, что мне не нужно торопиться.

Качественная одежда. Знаки различия срезаны. Чисто, без надрывов, не в ярости, не впопыхах. Срезали тем, что заточено и привычно.

Я написала: *одежда Тор'на*.

Потом поставила рядом маленький крест, пометку, что сравнение не проведено. И добавила строчку ниже: *если совпадёт — тело пролежало три дня, прежде чем его нашли. Кто-то знал, когда именно оставить*.

Это была не версия. Это было наблюдение. Я привыкла разграничивать.

Я перевернула страницу и написала имя Аттано.

Написала и остановилась, глядя на него.

Знал, куда смотреть. Это было первое, что бросилось в глаза. Не то чтобы он осматривал тело в неверном порядке, порядок был правильный, профессиональный, как у патологоанатома с опытом. Но он *знал*. Не как человек, который методично проверяет всё подряд. Как человек, который проверяет то, что уже предполагает найти.

Я написала: *не удивился*.

Потом: *Церковь — слишком быстро*.

Задумалась над этим. Церковь как версия появилась раньше, чем мы успели обсудить что-либо ещё. Аргументы, которые Аттано привёл, были логичными: Инквизиция имела мотив, имела доступ к алхимическому арсеналу, имела причины скрывать. Всё верно. Всё выстраивалось в линию.

Слишком ровно.

Я не доверяла ровным линиям. Не потому что они всегда лгали. Потому что слишком ровные линии кто-то проводил линейкой.

Я записала это отдельно, не как обвинение, а как гипотезу, помеченную вопросом: *логика или направление?*

И тут всплыло.

Не мысль. Картинка.

Аттано снимает перчатку. Правую. Он сделал это одним движением, экономным, привычным, как снимают перчатку тысячу раз подряд. Рука потянулась к запястью жертвы, и в то мгновение, прежде чем он склонился ниже, я увидела его предплечье.

Шрам.

Не от пореза, не от ожога, я знала, как выглядят и те, и другие. Этот шрам шёл вдоль предплечья узкой светлой полосой, слишком ровной для случайного ранения, слишком старой для недавнего. Кожа вокруг него была чуть иной текстуры, как будто ткань однажды пережила что-то, чего не должна была пережить, и потом восстановилась иначе.

Я не успела рассмотреть. Он натянул перчатку обратно прежде, чем я поняла, что смотрю.

Я опустила перо.

В этом не было ничего. Алхимики работали с едкими веществами; шрамы — обычное дело в их ремесле. Аттано Аррент'ино, по всем сведениям, провёл за работой двадцать лет. Шрамы объяснимы.

Объяснимы.

Я закрыла журнал.

За окном Ксар'Морн становился темнее: фонарщики запаздывали, и промежутки между огнями тянулись дольше обычного. Где-то далеко, у реки, залаяла собака и смолкла так внезапно, будто что-то приказало ей замолчать.

Утром — журналы Ордена. Не потому что я была в чём-то уверена. Потому что больше не оставалось ни одной нити, которую я ещё не потянула.

Тор'н. Одежда. Ремень.

Я встала, погасила фонарь и ещё несколько секунд стояла в темноте, с руками, сложенными у пояса, с запахом чужой лаборатории, до сих пор сидевшим в волосах.

Шрам лежал у меня в голове тихим, почти незаметным осадком.

Я не знала, зачем это запомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.